

Гражданская активность в России и западный опыт

Изменения в России вписываются в более широкий международный контекст и являются частью более глубоких преобразований в мире | **ЙЕНС ЗИГЕРТ**

Попытка. Неудача. Не важно.
Опять попытка. Опять неудача. Более удачная неудача.

Самюэл Беккет

Гражданскую активность можно оценить только применительно к обществу в целом. Она выражается в более — или менее — гражданском образе действий всех его субъектов вне зависимости от того, выступают ли они как частные или юридические лица или выполняют государственную функцию. При этом можно говорить о существовании «организаций гражданского общества», которые мы в дальнейшем будем называть неправительственными организациями, или НПО. Это субъекты, действующие в общественной, социальной, а часто и политической сферах. Их можно описать, опросить, проанализировать их деятельность. Часто они принимают требуемую правом форму организации, объединяются друг с другом или конкурируют (в том числе и с государственными учреждениями), а нередко существуют и без всякого юридического оформления — просто как объединение граждан. Речь пойдет, прежде всего, о динамике их развития и влияния на политические и социокультурные перемены в России. При этом важнейшим остается вопрос, как могло

случиться, что политические риски для власти, сопряженные с активностью гражданского общества, так долго оставались неясными, несмотря на чуть ли не патологический страх государства перед «подрывной» деятельностью НПО. Может быть, именно этот страх и не позволял разглядеть неуклонный рост гражданской активности?

Анализ разбит на пять частей. Сначала описывается ситуация, сложившаяся летом 2012 года, как свидетельство политизации общества и активизации политических процессов. В двух следующих разделах речь пойдет об аналогичных явлениях в других странах и других обществах. Четвертый раздел посвящен тому, какие изменения ожидают российские НПО. И, в заключение, максимально кратко будут намечены возможные сценарии развития событий.

Активизация политических процессов в России в связи с избирательным циклом 2011—2012 годов

Десять лет, прошедшие с момента вступления Владимира Путина в должность

президента в 2000 году, имели для многих российских НПО противоречивые последствия. В первый президентский срок НПО стали испытывать возрастающее давление со стороны государства, которое стремилось добиться от общества политической лояльности. В результате НПО вынужденно превратились в «профессиональные» организации, однако затем, во втором сроке, стали играть все более заметную роль суррогата политической оппозиции. С одной стороны, государство считало НПО угрозой — механизмом, при помощи которого за граница рассчитывает свергнуть режим (по аналогии с событиями на Украине и в Грузии). С другой стороны, после того как все остальные институты — парламент, политические партии, средства массовой информации — в значительной степени оказались подчинены государству и тем самым были не способны обеспечить адекватную обратную связь с обществом, власть стала рассматривать НПО как полезный и даже необходимый канал связи с согражданами. Эта двойственность наложила отпечаток на взаимоотношения между государством и НПО, которые к 2006-му приобрели институциональный характер: приняв закон об НПО¹, государство создало эффективный инструмент контроля над их деятельностью и наказания за действия вне предписанных им рамок².

В Совете при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, практически в составе президентской администрации, известные и влиятельные представители НПО не раз критиковали действия государства даже по крайне чувствительным для власти вопросам (например, по делу Ходорковского или Магницкого), требовали изменить государственную политику по тем или иным конкретным проблемам, а иногда и участвовали в противодействии государству. Подобную

двойственную позицию — сотрудничества с государством и противодействия ему — занимали многие НПО: таким способом им удавалось избегать возможных репрессий со стороны государства, но одновременно сохранять некое (хотя, как выяснилось со временем, весьма ограниченное) влияние на государственную политику.

Что касается собственно политической оппозиции (отчасти представленной теми же людьми, что и в НПО), самое позднее после думских выборов 2007 года независимые партии («Яблоко» и, с оговорками, «Союз Правых Сил») утратили последнюю надежду снова войти в парламент. В сложившихся обстоятельствах у оппозиционных политиков осталось три возможности: 1) вступить в одну из партий, все еще приемлемых для Кремля или им созданных (коммунисты, ЛДПР или, соответственно, «Единая Россия» и «Справедливая Россия»; однако даже это было позволено не всем); 2) стать политическими маргиналами и оказаться под угрозой политического преследования и, наконец, 3) уйти в НПО, в преподавательскую деятельность или в публицистику в тех по большей части маргинальных СМИ, которые сохраняли относительную независимость («Эхо Москвы», некоторые телевизионные каналы с небольшой аудиторией, ряд печатных и онлайн-выходных изданий).

Осенью 2011-го ситуация начала меняться коренным образом. Огромную роль в этом сыграли два решения Владимира Путина: заявление о том, что он намерен вернуться в президентское кресло, прозвучавшее из уст действующего президента Дмитрия Медведева 24 сентября 2011 года на съезде «Единой России», и задержание 5 декабря 2011-го в Москве и Санкт-Петербурге сотен людей, протестовавших против фальсификаций на выборах в Государственную думу, прошедших

накануне. Полное пренебрежение мнением сограждан, которое продемонстрировала рокировка 24 сентября, сыграло роль спускового механизма. При этом нужно признать: представление, будто у Путина на тот момент было достаточно власти для того, чтобы принять такое решение, не опасаясь серьезных политических последствий, разделял не только он сам и его окружение (насколько широк круг принимающих решения, неясно; может быть, на самом деле это один Путин и был) – так считали и многие

треть на арабские страны или новые, антикапиталистические движения на Западе, вроде “Occupy”, можно даже предположить, что изменения в России вписываются в более широкий международный контекст и являются частью более глубоких преобразований в мире.

Подобная эскалация – первый важный фактор, касающийся развития российского гражданского общества. Второй, ставший явственнее после протестов, тесно с ним связан. Я бы охарактеризовал его как «(модер-

“И истеблишмент, и его оппоненты недооценили значение выборов как точки, в которой сфокусировался политический протест”.

из политической оппозиции, и почти все эксперты и социологи.

В особенности удивительно, что и истеблишмент, и его оппоненты недооценили значение выборов как точки, в которой сфокусировался политический протест, несмотря на то что за последние десять лет выборы не раз играли важную, если не решающую роль в смене (полу)авторитарных режимов (в Грузии, Украине, Тунисе, Египте). Вероятно, причиной тому инерционные ожидания. В реальности история не всегда представляет собой временной континуум, но может совершать скачки большей или меньшей длины. В эти периоды процесс развития словно ускоряется. Произшедшие в обществе изменения становятся заметны как бы вдруг, рывком. Это особенно характерно для неподвижных или обездвиженных политических систем, утративших способность или волю (или и то и другое) реагировать на общественные, политические и экономические вызовы. Подобное происходит сегодня в России. Несомненно, исподволь общество менялось, развивалось куда интенсивнее, чем было видно на поверхности. Если посмо-

низационную) дилемму Путина», которая складывается из двух частей:

1. Экономическая модернизация страны с самого начала была частью путинской повестки дня. Более того, она считалась необходимой предпосылкой для того, чтобы страна вновь обрела статус великой державы. Данное обстоятельство проясняет смысл альянса между экономистами-либералами и определенными группами из аппарата госбезопасности. Однако модернизация уже на ранней стадии была подчинена интересам сохранения власти. Экономический кризис, начавшийся в 2008-м и совпавшее с ним по времени начало президентства Дмитрия Медведева со всей ясностью показали, что всесторонняя экономическая модернизация не может увенчаться успехом, если политическая система не будет стремиться к открытости. Еще до протестов, начавшихся в декабре 2011 года, от Путина отвернулось множество активных, хорошо образованных, мобильных молодых людей. Но кому, как не им, осуществлять столь необходимую модернизацию?

2. Со сходной проблемой столкнулась и внешняя политика Путина. В целом она стро-

итя на антизападных основаниях, но в то же время для проведения модернизации Россия нуждается в хороших экономических, а также политических отношениях с Западом, который все еще доминирует в экономике и технологиях. Нужны инвестиции, ноу-хау, сотрудничество. Конфронтация же, особенно в ее милитаристской разновидности, — дело дорогостоящее и не располагающее к инновациям. Данное противоречие также пока не нашло решения.

Впрочем, основное противоречие путинской политики — лишь условная дилемма.

“Демократически избранные лидеры вполне могут обойтись и 50-процентной поддержкой, а популистским нужно, чтобы она была значительно выше”.

Решить ее было бы легко, выбрав одну из двух определяющих парадигм — безусловного сохранения власти или модернизации — и отказавшись от второй. Не исключено, что в том случае, если протесты будут нарастать, режим действительно сделает этот выбор. Из трех основных «связующих средств», которыми располагает современная политическая власть, чтобы предотвратить влияние на общество центробежных сил (рынок, лояльность/вовлеченность граждан в политические процессы и репрессивные меры), ввиду многочисленных предсказаний экономического кризиса и отсутствия модернизации государству проще всего прибегнуть к последнему.

Но пока описанные выше противоречия не сняты, российское общество с большой вероятностью будет по-прежнему расползаться. Как далеко зашло дело, показывает схема «четырёх Россией», предложенная Натальей Зубаревич (см. ее статью на с. 135–152 в этом номере *Pro et Contra*). Концепцию Зубаревич можно дополнить, добавив к ней другой, социокультурный раскол: на Россию модерни-

постмодерна, Россию светскую и патриархальную, религиозную Россию «домодерна»³. Этот раскол не нов, он намечился в российской истории не позднее начала XIX века, но в 2011 году «культурное противостояние» обострилось. С одной стороны, путинское государство постепенно все отчетливее поддерживает носителей патриархального мировоззрения, а с другой — дабы предотвратить угрозу эрозии власти, оно все интенсивнее использует обскурантистский, антизападный, антирыночный, патриархальный фланг политического спектра.

Не следует забывать и о довольно многочисленной группе тех, кто действительно проиграл от модернизации или чувствует себя проигравшим. Люди, входящие в эту группу, образуют естественную базу поддержки Путина; для них он если и не вождь, который ведет страну из славного прошлого в славное будущее, как это в значительной степени было на протяжении его первых президентских сроков, то по крайней мере «последний бастион» на пути надвигающегося модерна со всеми его вызовами и угрозами.

На другом фланге российского общества, где преобладают настроения модерна-постмодерна, растущий спрос на четкие правила и эффективные государственные институты привел к решительному неприятию Путина. С этой точки зрения, антипутинский протест носит в первую очередь социокультурный характер, он направлен против традиционной модели взаимоотношений между государством и обществом, которые не просто становятся все менее эффективными, но и воспринимаются модернизированными россиянами как неприемлемые ограничения свободы.

Путин вызывает все большее раздражение, о чем свидетельствуют поток язвительных и даже оскорбительных комментариев в социальных сетях, а также политические анекдоты и карикатуры.

Сопутствующая этому эрозия популярности Путина представляет собой прямую угрозу его власти, легитимированной прежде всего популистскими средствами. Популистская власть, в отличие от власти, опирающейся на демократические процедуры, всегда требует более высокого уровня популярности и экономического успеха или по крайней мере поддержания надежды на успех, чтобы таким образом скомпенсировать институциональные изъяны легитимации, например фальсификацию выборов. Именно поэтому демократически избранные лидеры вполне могут обойтись и 50-процентной поддержкой, а популистским нужно, чтобы она была значительно выше. Падение популярности в условиях популистской власти быстрее сказывается на ее легитимности. Именно эта закономерность является одной из причин того, что выборы 2007–2008-го, в отличие от выборов 2011–2012 годов, не вызвали громкого протеста, несмотря на вполне сравнимый уровень фальсификации.

Исторические сравнения

И все же, что произошло в российском обществе, что так долго исподволь вызревало в нем, чтобы затем внезапно и для многих неожиданно прорваться наружу? Одно из объяснений очень простое, почти банальное: Путин надоел. Владимир Путин у власти более двенадцати лет. В демократических странах политики обычно так долго не удерживаются. Популистская, персоналистская власть, как правило, изнашивается еще быстрее, «изнашивая» заодно и саму персону. Именно по этой причине популистские правители со временем нередко становятся диктаторами. Подобный выход не может не быть соблазном и для Путина.

Ниже на двух примерах других стран и эпох — один скорее социокультурный, другой скорее политический — показаны возможности иных механизмов общественного развития. Речь, разумеется, не о том, чтобы предлагать России напрямую заимствовать чужой опыт. Но на фоне этих примеров можно несколько по-иному взглянуть на нынешнее российское общество.

Первый пример напрашивается сам собой и упоминался уже не раз. Это движение 1968 года и та социокультурная революция, которая изменила глубинную структуру прежде всего западных обществ, тогда уже демократических (или, с другой точки зрения, явилась зримым выражением накопившихся изменений, имевших различные, в частности экономические, причины).

По сути, эта революция изменила структуру властных отношений — между государством и индивидом, а также между женщиной и мужчиной. И те и другие отношения утратили иерархический характер в ходе длительного и до сих пор не завершеного общественного противоборства. Тем самым закрепились, завоевали политическую легитимность внепарламентские, некорпоративные нормы коллективного поведения, прежде не одобрявшиеся государством и значительной частью общества. Речь идет в первую очередь о повсеместно распространившихся гражданских инициативах так называемых низовых групп (*“grass roots”*), которые сознательно противопоставили себя общепринятым демократическим формам политического участия в общественной жизни — партиям, общественным объединениям, профсоюзам. Немаловажной причиной усиления этих движений была относительная замкнутость политических систем (вполне демократических и легитимированных свободными выборами), которая мешала решению возникающих проблем. Почти во всех западных обществах это были проблемы экологии,

равноправия женщин, участия граждан в политической и общественной жизни, образования и возможностей профессионального роста молодежи, то есть в целом проблемы постматериалистического толка.

Например, в Германии движение гражданских инициатив 1960-х началось с протестов против модернизации целых городских районов и связанного с этим вытеснения не самых обеспеченных групп населения из обжитой ими среды. Неслучайно протест возник в городе и был направлен против вторжения государства в «жизненный мир»⁴.

“Когда легитимность начинает размываться, новые политические акторы — общественные структуры — возникают будто из воздуха”.

Нечто подобное можно наблюдать во многих обществах, а сегодня и в России. В последние годы мы были свидетелями протестов против застройки свободных площадей в центрах крупных городов, а также против привилегий чиновников высокого ранга и состоятельных людей при проезде через пробки на московских дорогах. Они стали первыми ласточками и за время президентства Путина не просто обрели массовый характер, но и нашли отклик в широких кругах населения. Это объясняется прежде всего тем, что предмет протеста был воспринят по большей части не как политический, а это облегчает сплочение различных групп населения поверх социоэкономических, социокультурных и идеологических барьеров. Возможный совместный успех в будущем может стать основой альянсов подобного рода и в других ситуациях.

Но вернемся к городу. Город, городские поселения Европы с XIX столетия все больше становились объектом государственного планирования, которое преследовало двойную цель: во-первых, улучшить условия

жизни горожан, во-вторых, усилить контроль (который в XIX веке всегда имел и военный аспект) над городами. Последние требовали контроля, поскольку именно там набирала силу и политическую власть буржуазия, а затем и пролетариат. Вера политиков и планировщиков в возможность сформировать общество, преобразовав среду обитания, наталкивалась на сопротивление жителей, которые имели собственные представления о том, какой именно она должна быть. Это и сегодня весьма взрывоопасное противостояние. Здесь, кстати, нередко наблюдается

родство между авторитарным мышлением и преобразовательными фантазиями реформаторов-либералов, имеющими вполне гуманистическое происхождение. Часто и те и другие убеждены в своем превосходстве над «простым народом». При этом представления российского государства по-прежнему находятся под влиянием советских плановых традиций, в соответствии с которыми «человек» и «общество» — объекты, которые можно изменить, более того, «улучшить» по «объективным» критериям, игнорируя при этом собственные чаяния людей. Такое восприятие совпадает с идеей многих российских либералов (экономистов) о том, что «люди», или «народ», (пока) не в силах осознать блага радикальной рыночной экономики, а значит, ее следует вводить «незаметно» и даже вопреки сопротивлению «недостаточно просвещенной» части общества⁵.

Подобным образом городское планирование часто тяготеет к авторитарному подходу, так как только авторитарные режимы, обладая властью, способны добиваться реализации градостроительных идей, не допуская

вмешательства «дилетантов», иными словами, тех, кого эти изменения касаются. «Вне зависимости от того, обосновывается ли необходимость порядка эстетическими или функциональными соображениями, попытки упорядочить бесконечно сложный и противоречивый артефакт, именуемый городом, неразрывно связаны с редукцией сложности, нивелировкой различий и противоречий, а также с замораживанием трансформаций, то есть с репрессивным аспектом власти»⁶.

Гражданин как политический субъект

Обращаясь ко второму примеру, скорее политического характера, придется заглянуть в давнюю историю, во времена абсолютизма. Своей легитимностью монархи в XVII и почти до конца XVIII века были обязаны «общественному договору» (хотя Руссо ввел это понятие лишь на исходе эпохи), подобному тому, который нередко упоминается в контексте путинской России. Во многих странах Европы Реформация привела к длительным гражданским религиозным войнам, завершившимся лишь с утверждением абсолютизма. Сделку заключили под лозунгом: «Свобода в обмен на мир». Уже в 1621 году шотландский сатирик Джон Баркли позволил себе в романе «Аргенида» напомнить королю: «Либо пусть он снова подарит народу свободу, либо уж пусть установит внутренний мир, ради которого народ этой свободой пожертвовал»⁷.

При абсолютизме ценой «мира» стал тотальный запрет на политику⁸. Путина в определенном смысле тоже наняли для того, чтобы восстановить «внутренний мир». В начале своего президентства он называл это «восстановлением вертикали власти» и «диктатурой закона». Сама лексика свидетельствует о родстве с абсолютной властью. Правда, государство образует не одна абсолютная власть (или, выражаясь по-современному, государственная моно-

полия на власть), но еще и «соотношение защиты и повиновения»⁹. Для подданных абсолютистских монархий, поставленных перед роковым выбором «гражданская война или государственный порядок», или для российских граждан, стоящих перед выбором, который, в формулировке Путина, звучал как его собственная власть или распад российского государства, «мораль» и «политика» совпадают. Иными словами, политика лидера оказывается безусловно моральной, а его политическая функция — установить порядок и поддерживать порядок — определяет его моральную легитимность.

Такой лидер может без ущерба для своей легитимности ликвидировать демократические политические институты, будь то выборы, парламент, независимый суд или пресса, либо выхолостить их с тем, чтобы они не могли служить инструментом подотчетности.

Однако возникает вопрос: что же будет, когда мир достигнут, а (мнимая) смертельная опасность устранена? Или когда, как сегодня все чаще говорят в России, правитель утрачивает способность выполнять взятые на себя обязательства, связанные с обеспечением порядка и благосостояния? Тогда власти требуется новая легитимность. И этим тоже объясняется столь острая общественная реакция на выборы 2011–2012 годов — в отличие от выборов четырехлетней давности: тогда уровень фальсификаций был не меньше, но в тот момент власть располагала достаточно прочной внедемократической легитимностью (прежде всего благодаря экономическим успехам, но не только). Однако когда легитимность начинает размываться, новые политические акторы — общественные структуры — возникают будто из воздуха. Появление новых акторов, как правило, застаёт врасплох многих наблюдателей, но прежде всего самих власть имущих — хотя задним числом выясняется, что соответствующие предпосылки формировались на протяжении неко-

торого периода, только этот процесс оставался незамеченным. Причиной тому — запрет на публичную политику для всех, кроме правителя, запрет, являющийся частью упомянутого общественного договора. Такой запрет «гасит» политику только в условиях сильных общественных потрясений, до тех пор пока (почти) все убеждены, что публичная борьба за власть идет во вред всему обществу, даже если она ведется в законных рамках. До тех пор, стало быть, пока правитель справляется с делегированными ему задачами.

“Большинство населения воспринимает политику как нечто аморальное и грязное, а политиков — как людей, преследующих исключительно личную выгоду”.

В противном случае, когда правитель не справляется или потрясения улеглись, государственная защита перестает казаться надежной и необходимой, и на смену ей приходит защита *от* государства, а непубличное, приватное пространство расширяется до «суррогата общественного пространства». Граждане больше не желают подчиняться государственной власти и образуют общество, которое вырабатывает собственные моральные законы, действующие параллельно с государственными. В условиях абсолютизма так появлялись тайные общества, из которых наиболее известны масоны. Тайные общества предоставляют общественное пространство и защиту от государства. Так Просвещение и тайна оказались неразрывно связаны друг с другом. В Советском Союзе такую же роль в диссидентском движении играли знаменитые московские и ленинградские кухни. В России Путина эту функцию выполняют отчасти НПО, отчасти (в последнее время) широко и быстро распространяющиеся социальные сети интернета. В авторитарном, но не абсолютистском, не тоталитарном государстве, каким является

сегодня Россия, ни те ни другие не являются в полном смысле слова «тайными». Государство «знает», что там происходит (хотя, скорее всего, и не понимает в полной мере). И потому не нарушает свободное пространство, пока, с его точки зрения, оттуда не исходит угроза власти¹⁰. Это, кстати, одно из возможных разрешений описанной выше дилеммы, стоящей перед Путиным.

Не имея политического авторитета, «неполитические» НПО в России по большей части наделяют себя изначально «мораль-

ным» статусом. Этот статус может преобразоваться в политическое влияние, которое при успешном развитии событий приведет к возникновению и узакониванию новых норм и практик, а со временем и институтов. Авторитарное государство реагирует на такую не- или антиполитику лишь в том случае, когда она, по его мнению, грозит стать слишком публичной, слишком явно политической или слишком действенной. Или когда государство предвидит такую возможность (не важно, реальная ли она или лишь воображаемая): после так называемой оранжевой революции на Украине российское государство в 2006-м приняло закон, ограничивающий деятельность НПО. Читай: политике было велено вернуться на кухню, откуда она и вышла.

Эта схема, когда общество стремится создать нормы, а государство выталкивает его обратно «на кухню», воспроизводится до тех пор, пока не решены общественные, экономические и политические проблемы, которые часто препятствуют вовлеченности людей в процессы принятия решений. Для решения политических проблем у государств, как уже говорилось выше, есть три основных

инструмента: рыночные механизмы, общественное участие и власть. Чем меньше первых двух — а в России процесс их сокращения продолжается как минимум с того момента, как разразился экономический кризис 2008–2009 годов, — тем явственнее усиливается авторитаризм и без того авторитарных властных элит. Усиленный контроль со стороны власти часто — по крайней мере, в краткосрочной перспективе — достигает своих целей, но не обеспечивает решения проблем и рано или поздно теряет эффективность. Это происходит тем скорее, чем больше государственный контроль за расширяющимся общественным пространством ослабляет способность государства решать проблемы (см. выше о «дилемме Путина»), что, по мнению многих экспертов, и происходит в России.

Следует отметить, что неэффективность авторитарного способа управления сама по себе никоим образом не является гарантией возникновения такой политической оппозиции, в которой значительное число людей склонно видеть надежду на решение проблем, а не нежелательные осложнения общественно-политической жизни. Для того чтобы политическая оппозиция возникла, нужно преодолеть, по крайней мере, еще один фактор, который укрепляет авторитарную власть. В силу исторических причин в России этот фактор даже более значим, чем в других обществах. Имеется в виду репутация политики в обществе. В целях удержания власти авторитарные структуры, как правило, «выводят на чистую воду» другие, более демократические формы власти: они, дескать, «не лучше нас», а демократические процедуры — лишь «более завуалированные» формы такой же циничной власти.

Нынешнее поколение россиян, для которого опыт демократии исчерпывается формально демократической политической системой 1990-х, часто этому верит, тем более что государственное руководство неизменно клеймит тот период как

«хаос»¹¹. Это не ново, и Россия тут не одинока. Еще Фридрих Шиллер в 1784 году, до Французской революции, бранил «политиков»: «И с этими порочными, с этими глупцами нам жить!»¹². Да и в западных обществах у политики и политиков прескверная репутация. Явка на выборы падает почти во всех западных демократиях: повсюду слышны сетования на недостаточную вовлеченность граждан в процессы принятия решений и падающую социальную активность.

Преобладающее большинство населения воспринимает политику как нечто аморальное и грязное. Соответственно, политики имеют имидж людей, преследующих исключительно личную выгоду. Путин не пытается перебороть эти настроения, а, напротив, активно их использует. Его (почти не вербализованные) аргументы ошеломительно просты: да, политика везде такая. А раз так, не стоит уделять слишком много внимания грязным кампаниям, злоупотреблениям и фальсификациям. И на Западе нередко наблюдается зазор между политикой и населением. Неприязнь к «политике», опасливое отношение к «политической» активности, предпочтение «политике» «общественной» деятельности, помимо языковых традиций (которые, как правило, отражают реальные общественные явления), в России, как и в других обществах с богатым авторитарным опытом, имеют еще один аспект, на Западе уже практически ненаблюдаемый. Это форма двойной самозащиты: от государственных репрессий, а также от себя самого («не дай бог вляпаться в политику!»).

НПО и политический процесс осени 2011—2012

За последние 25 лет в России почти во всех областях общественной и политической жизни возникли сотни тысяч НПО¹³. Сферу, где действуют НПО, можно назвать средоточием активности гражданского общества.

Вовлеченность общества в деятельность НПО, то есть желание и потребность действовать во имя общего блага, позволяет охарактеризовать НПО как носителей новой политической культуры. А если граждане считают деятельность НПО общественно полезной, возможно формирование новых легитимных форм взаимодействия в обществе и политике.

Организации гражданского общества способствуют установлению доверия между общественными акторами. Доверие – эфемерный фактор, который снижает трансакци-

демократических форм поведения и доверия в обществе. Многие российские НПО проделали путь от длительного ученичества 1990-х через профессионализацию (которая возникла в ответ на стремление государства «встроить» их в систему так называемой управляемой демократии) к исполнению роли суррогатной оппозиции в период его второго президентства. При этом многие НПО также стали выполнять функцию канала коммуникации между Кремлем и значительной частью населения с неплохой пропускной способностью в обоих направлениях. К тому же не так

“Государство переоценило влияние зарубежных доноров на политические процессы в России и недооценило глубокие изменения в российском обществе”.

онные издержки, помогая упростить многообразие общественных структур и отношений в обществе. В современных, все более усложняющихся обществах важность этого фактора неуклонно возрастает. Доверие является «смазочным материалом» общественного и в первую очередь экономического прогресса. Если он отсутствует, колеса крутятся медленнее, эффективность усилий снижается, неминуема угроза «поломки». Поэтому в современных обществах – как в частной, так и общественной сферах – принуждение (или установка на принуждение) все чаще замещается доверием, в котором видится ресурс управления и урегулирования конфликтов. Однако в российском обществе царит всеобщее недоверие всех ко всем. В первую очередь оно затрагивает государство и экономических субъектов, но распространяется и на общественные организации. Парадоксальным образом, недоверие часто связано именно с принципиальным альтруизмом общественно-политических устремлений.

Именно НПО внесли и продолжают вносить неоценимый вклад в распространение

уж мало россиян, работая в НПО, приобрели опыт взаимного доверия и узнали, что способность договариваться друг с другом часто приводит к большей эффективности, чем в условиях «игры с нулевой суммой».

На практике государство и НПО не раз находили способы взаимодействия. В годы президентства Дмитрия Медведева, при слабой политической оппозиции и жестких ограничениях на политическую деятельность, НПО демонстрировали три типа поведения по отношению к политическому руководству. Первый – открытое сотрудничество с властями (такие НПО отчасти срастались с GONGO¹⁴). Вторую группу составляли организации, которые исходили из необходимости ограниченного сотрудничества и сохранения каналов коммуникации с властью для решения практических, а в некоторых случаях и для обсуждения принципиальных вопросов. Третья группа НПО была близка к тогдашней так называемой внесистемной оппозиции и шла на контакт с властями прежде всего только для решения сугубо практических проблем. Разумеется, между этими тремя

группами не было четкой границы. Одна и та же НПО могла строить отношения с властью по двум, а то и по всем трем моделям.

Каждая из трех групп имела собственный институционализированный канал связи с властью: первая действовала преимущественно через Общественную палату, вторая — через Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, а третья предпочитала в качестве посредника Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Владимира Лукина и его экспертный совет.

Политический процесс, начавшийся осенью 2011 года, не только расшатал эти формы поведения, сохранявшие стабильность на протяжении длительного времени, но и заставил многочисленные НПО задуматься о своей общественной и политической роли. Важнейший первоначальный опыт заключался в том, что внезапное возвращение публичной политики не усилило влияние НПО. Некоторые функции, которые НПО выполняли многие годы, стали излишни. Вместо суррогатной оппозиции стала формироваться подлинная, прежде оттесненная на обочину, а теперь отчасти обновленная. Пришлось также уяснить (и это было весьма болезненно), что НПО, которые столь долго несли знамя оппозиции, как организации не играют никакой роли в возникшем оппозиционном движении, вышедшем на улицу. Впрочем, новая оппозиция стала в большей степени объединением публичных фигур, чем коалицией организаций. Руководители НПО, как правило, сохранили влияние, но лишь в редких случаях это произошло благодаря их статусу представителей НПО (в этом случае скорее речь идет о тех из них, кто уже был медийными персонами)¹⁵. Тем не менее организационные ресурсы, которые НПО предоставили в распоряжение нового оппозиционного движения (как человеческий капитал и элементы инфраструктуры, так и знания),

сыграли определенную, хотя и не слишком значительную роль. Однако это не смогло защитить их от возобновившихся попыток государства «формировать и репрессировать» неправительственные организации. Государственное давление на НПО, однако, связано, вероятнее всего, с тем, что государство переоценило влияние зарубежных доноров на политические процессы в России и недооценило глубокие изменения в российском обществе, о которых шла речь.

Возможные сценарии развития

В конце моей статьи «Эволюция гражданской активности», опубликованной в журнале *Pro et Contra* год назад (см. примечание 13), были изложены два возможных сценария развития. Первый, названный там «оптимистическим», исходил из постепенного, эволюционного открытия политической системы, в ходе которого НПО начнут играть новую, более присущую им роль и смогут дать важные импульсы демократизации российского общества. Выдвигая второй сценарий, инерционный, я исходил из предположения, что ни второе президентство Медведева, ни новый президентский срок Путина (других кандидатов и тогда невозможно было себе представить) в обозримом будущем существенно не изменят характер российской политической системы, связанной с именем и с личностью Путина. Оба эти сценария, писал я, в конечном счете имели бы следствием «более регулярное участие НПО в обсуждении актуальных вопросов государственного управления, что уже сегодня наблюдается в некоторых областях». Сценарий, который можно было бы назвать «негативным», который предполагал переход сложившейся при Путине авторитарной системы к открытой диктатуре, в свое время представлялся невероятным, прежде всего потому, что, как казалось, противоречил интересам самих власть имущих.

Вследствие активизации политических процессов с осени 2011-го те рассуждения устарели гораздо быстрее, чем можно было вообразить. Растерянность, которую указанные события породили у власть имущих, репрессивные контрмеры, направленные непосредственно против организаций гражданского общества, в том числе принятый в июле 2012 года новый закон об НПО, указывают на то, что оптимистический сценарий постепенной демократизации становится все менее вероятным.

Описанный в инерционном сценарии курс, уже опробованный ранее, попытка найти баланс между «необходимым» (для сохранения власти) объемом репрессий и «возможным» (без утраты власти) объемом свободы при установившейся динамике развития едва ли может быть продолжен. Для его осуществления, скорее всего, не хватит материальных ресурсов (см. вышеописанную дилемму модернизации). Учитывая динамику развития России с момента вступления в должность Путина, когда на каждый вызов власть отвечала дальнейшим ограничением гражданских свобод и демо-

кратических прав, инерционный сценарий рано или поздно начнет дрейфовать в направлении вышеупомянутого негативного сценария.

Несмотря на изменения в российском обществе, которые начались осенью 2011-го и привели к ускорению политических процессов, в краткосрочной перспективе государство сумеет оттеснить НПО репрессивными мерами. Государство располагает властными механизмами для того, чтобы ликвидировать НПО, вынудить их вести работу за рамками правовых организационных форм или адаптироваться к задачам государства. Но в среднесрочной перспективе более важным окажется приобретенный опыт вовлеченности в общественную и политическую жизнь. Он не исчезает бесследно, а продолжает накапливаться, часто исподволь, и, как видно по переходным обществам с богатыми гражданско-демократическими традициями, при благоприятном стечении обстоятельств может оказаться востребован. То движение, которое активизировалось в минувшем году, уже не остановить. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Речь идет о нескольких законах, в том числе федеральных законах «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях» и «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

² Справедливости ради следует отметить, что, вопреки первоначальным опасениям, закон применялся не слишком активно.

³ Лев Гудков, ссылаясь на Рихарда Роуза, различает даже три группы: домодерные, современные и антимодерные. См.: Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // *Pro et Contra*. 2012. № 3 (55). С. 10.

⁴ Данной формулировкой пользовался Юрген Хабермас.

⁵ Ярким примером здесь может служить высказывание бывшего министра экономраз-

вития и нынешнего председателя правления Сбербанка Германа Грефа на Международном санкт-петербургском экономическом форуме в конце июня 2012 года: «Вы говорите страшные вещи, вы предлагаете фактически передать власть в руки населения». Все три минуты выступления Грефа см.: <http://www.youtube.com/watch?v=Gj0TjiWBV8A>

⁶ Häußermann H., Läpple D., Siebel W. *Stadtpolitik*. Frankfurt am Main, 2007. S. 76.

⁷ Barclay J. Argenis. Цит. по: Koselleck R. *Kritik und Krise*. Frankfurt am Main, 1973. S. 36.

⁸ Хотя политика «запрещалась» и позже, абсолютизм — наиболее беспримесный пример.

⁹ Koselleck R. *Op. cit.* S. 25.

¹⁰ По всей видимости, летом 2012-го власть эту угрозу и почувствовала.

¹¹ Хотел бы подчеркнуть, мне такое восприятие представляется вполне рациональным, преследующим собственные интересы, а не некоей остаточью, каковое объяснение часто можно встретить в аналитике политической ситуации и поведенческих паттернов населения России.

¹² *Schiller F.* Die Schaubühne als eine moralische Anstalt betrachtet (Vorgelesen bei einer öffentlichen Sitzung der kurfürstlichen deutschen Gesellschaft zu Mannheim im Jahr 1784.), <http://www.kuehnle-online.de/literatur/schiller/werke/phil/schaubuehne.htm>

¹³ См.: *Zusepн Ё.* Эволюция гражданской активности // *Pro et Contra*. 2011. Т. 15. № 1–2.

¹⁴ *GONGO (Government Organized Non-Governmental Organization)* – аббревиатура для обозначения организованных или инициированных государством, то есть псевдообщественных, организаций.

¹⁵ По большей части это было связано с уникальным содержательным сегментом политического «рынка». В пример можно привести общество «Мемориал», занимающееся вопросами преодоления тоталитарного прошлого.